

И. Мулин

**Дом без адреса.
Сборник рассказов**

И. Мулин
Дом без адреса.
Сборник рассказов

<https://litres.ru/74373224>

SelfPub; 2026

Аннотация

Что скрывается за тонкой пеленой привычной реальности? Бесконечный лестничный пролет, древний разум, поселившийся внутри человека, цифровой двойник, или тихий стук лап кота, пришедшего за тобой. Герои этого сборника - обычные люди, столкнувшиеся с изнанкой повседневности. Десять историй о хрупкости человеческого сознания, цене ошибок и поисках дома там, где нет карт.

Содержание

Вражьи голоса	4
Чернышка	13
Йехи ке-разиэль	18
Конец ознакомительного фрагмента.	24

И. Мулин

Дом без адреса.

Сборник рассказов

Вражьи голоса

Спиридон проснулся от яркого солнца, бившего в глаза. Во рту было так сухо, что язык приклеился к небу. Он сел в кровати, нащупывая ногами тапки, но в наличии оказались только один. Это обстоятельство не смутило Спиридона, и он проковылял на другой конец комнаты к раковине, где долго пил прямо из крана.

Радиоточка на стене бодро рапортовала об успехах металлургов, перевыполнивших план к XXIV съезду КПСС. Бодрый голос дикторши сменился бравурной музыкой.

Спиридон оторвался от живительной влаги и ощутил во всем организме необычную звенящую легкость.

«Отлично!».

Он оглядел комнату в поисках второго тапка. Не мешало бы прибраться, но это может подождать.

Спиридон натянул старые треники с вытянутыми коленями, несвежую майку, выудил второй тапок из-под продавленного кресла и направился на коммунальную кухню.

Сосед Иван Иванович, гладко выбритый, в выглаженных брюках и такой же рубашке жарил себе яичницу.

Есть не хотелось.

Спиридон выглянул в окно.

«Эх, погода шепчет!».

– Доброго вам!

– И тебе, Спиридон, не хворать!

– Вот и я об этом, Иваныч. Одолжи треху до получки, на поправку здоровья.

Лицо у Ивана Ивановича сделалось кислым.

«Нет, не даст. Уже просил у него вчера. Жмот! Шляпа!».

– Ты бы, Спиридон, притормозил. Неделю уже гуляешь, а завтра – в цех.

«Конечно! Ему-то что? Стоит себе у кульмана в управлении, когда чай не гоняет. А мне чушки чугунные всю смену таскать!».

– Имею право, – обиженно протянул Спиридон в ответ, – Отпуск, честно заслуженный тяжелым трудом!

Спиридон вернулся в свою комнату. По радио начиналась программа «По вашим заявкам». Он посмотрел на старый телевизор «КВН» с большой линзой перед смехотворно маленьким экранчиком. Чертов ящик сломался с месяц назад, и похоже, в этот раз окончательно.

«Люди встречаются, люди влюбляются, женятся...», несло из радио. На высокий ясный небосвод утреннего настроения начала напоззать свинцовая туча. Спиридон закру-

тил ручку приемника, стало тихо. Впрочем, не совсем.

Из-за стены, из комнаты Ивана Ивановича раздавался слегка приглушаемый тонкой преградой вой радиопомех.

«Опять свои «голоса» слушает, контра! Раньше с такими не церемонились, а сейчас все добренькие стали».

Спиридон прошелся по комнате, на столе уныло валялся давно и основательно выпотрошенный кожаный бумажник. Открыл дверцу комода. Стеклотары не было: вчера он сдал все, что накопилось за неделю. Делать было исключительно нечего.

Вой за стенкой приутих, стал слышен неразборчивый монолог чужестранного диктора.

«А все же интересно, что они там болтают».

Спиридон взял граненый стакан, приставил широкой стороной к стене, а ухом прижался ко дну. Слышно стало лучше, но слов все равно не разобрать. Спиридон начал планомерно шарить руками по обоям, ища, где они поддадутся.

«Да, вот оно!».

Спиридон надавил сильнее и палец прошел внутрь.

Похоже, раньше это была одна комната, разделенная в свое время на две каморки при помощи подвернувшегося под руку мусора.

Спиридон взял короткий карандаш с отломанным грифелем и аккуратно проделал дырочку в обоях и на той стороне стенки.

«Ха, как Буратино носом», – усмехнулся он и прильнул

ухом к отверстию.

Голос диктора сменили равномерный механический гул и щёлканье, периодически прерываемые разноголосым воем радиопомех.

«Притащил с завода арифмометр и накручивает ручку? Как он его вынес? И зачем?» – любопытство разыгралось не на шутку.

«Рублевки и трешки, что ты не вернул, подсчитывает!», услышал Спиридон ехидный голос у себя в голове.

Это была не вполне его мысль, но он ей улыбнулся.

Спиридон приник глазом к проделанному отверстию. Ничего не разобрать, только кусок стены с какой-то картиной.

«Камера обскура, – как из ниоткуда возникло в голове, – Абсолютная темнота и поверхность для проекции».

«Точно, не лаптем щи хлебаем! Физику в школе проходили».

Спиридон снял линзу с КВНа, прикрепил ее изолянткой к шаткой высокой этажерке и задернул шторы. Яркая точка соседского света упала на линзу. Спиридон начал двигать этажерку ближе-дальше, ловя фокус. И вот, в мутноватой воде линзы отразилась вся соседская комната, правда в перевернутом виде.

«Знай наших!» – возликовал Спиридон.

Он передвинул кресло, уселся в него и начал смотреть.

Новый «телевизор» показывал прелюбопытнейшую картину. Сосед сидел перед своей роскошной радиолой, зани-

мавшей значительную часть комнатухи. Ее крышка была открыта, но вместо проигрывателя, внутри был виден странный сложный механизм, с натыканными там и тут тускло светящимися радиолампами. Длинный суставчатый кронштейн-хобот вылезал из радиолы и нависал над придвинутым вплотную столом, на котором был разложен какой-то чертеж. Рядом стояли, прислонившись к столу, другие кальки, свернутые в трубочку.

Хобот находился в непрерывном движении, проходя над чертежом. На его конце горела яркая лампа, высвечивая узкий круг, плавно обшаривающий лист. При этом многочисленные шестерни вращали толстую бобину, вокруг нее шелкали рычажки механизма, а линии и черточки для настройки на шкале радиолы перемещались, образуя считанные с чертежа детали. Когда хобот замирал, начинался радио-вой, продолжавшийся, пока бобина раскручивалась в обратную сторону. Так повторялось несколько раз, пока не наступало время заменить чертеж на столе.

«Что же это?!», Спиридон заворуженно следил за действием.

«Да ясно что! Это не приемник, а передатчик. Хитро придумано: он прячет свой радиосигнал за программой БиБиСи и нашими глушилками. Секретные чертежи прямо сейчас незаметно утекают в Лондон или Вашингтон!».

Спиридон заметался по комнатушке.

«Надо срочно что-то делать! Ловить с поличным! Звонить в первый отдел!».

Он схватил пиджак и выскочил в коридор. Электросчетчик соседа гудел, бешено накручивая киловатты.

Спиридон, перепрыгивая через 2 ступеньки, слетел вниз,

через двор-колодец выбежал на проспект к таксофону. Пошарил по карманам пиджака.

«Черт, даже двушки нет позвонить! И сегодня же воскресенье. В первом отделе никого нет».

Спиридон задумался на минуту.

«Звонок «02» бесплатный, а они уже вызовут кого надо! А что сказать? Не поверят такому. Скажу, что драка!».

Милиционеры приехали минут через 30. Все это время Спиридон беспокожно ходил по своей комнате, наблюдая на экране, как очередной секретный чертеж отправляется прямиком в лапы ЦРУ. Наконец длинный требовательный звонок в дверь.

Спиридон провел двоих милиционеров прямиком к комнате соседа.

«Вот, полюбуйтесь!», он торжествующе рывком распахнул дверь.

Иван Иванович сидел у своей радиолы и слушал пластинку, его лицо выразило недоумение внезапным вторжением.

– Ааа, успел спрятать свое оборудование! – прокричал Спиридон. – Сейчас я вам всё покажу.

– Спиридон, ты ошалел! – воскликнул Иван Иванович, – оставь звукозаписывающее в покое! Кто будет платить за ремонт!?

Спиридон стоял озадаченный, держа в руке оторванную деталь.

– Товарищи, это хитрый враг, шпион! Позвоните в Коми-

тет госбезопасности, они его выведут на чистую воду!

– Хорошо, – сказал милиционер постарше после недолгого раздумья, – Телефон в квартире есть? Нет. Не беда, сержант сходит к автомату, позвонит.

Сержант вышел и минут через пятнадцать вернулся с тремя людьми в штатском, один низенький в возрасте, а два других – прямо амбалы.

– Рассказывайте, – мягко сказал низенький (ясно, что старший), обращаясь к Спиридону.

Тот рассказал все что видел, как на духу, зачем-то добавив, что соседа давно подозревал, и что человеком он был так себе.

– Ясненько, – протянул низенький. – Все ясно.

«Полковник госбезопасности, не меньше», подумал Спиридон.

– Пройдемте, товарищ.

Двое амбалов вышли вперед.

Спиридон ликовал: «Вот так! Получишь за всё! И за трехи, что у тебя выпрашивал, и за очки, и за глаженные рубашки!».

Неожиданно амбалы крепко взяли Спиридона за руки выше локтя.

– Что! Да не меня, его! – воскликнул он ошалело.

Но крепкие руки не разжимались.

– Пойдем, – сказал один из них. – Машина ждет.

Выворачивающегося и голосащего Спиридона (не очень-

то и вывернешься из умелых сильных рук) вывели через сумрачный двор на проспект, где его ждала белая «Волга» с красной полосой вдоль всего кузова. «Полковник» накинул белый халат и сел с водителем, Спиридон с провожатыми оказался на заднем сидении. Машина плавно отъехала от тротуара и, набрав скорость, смешалась с потоком.

Чернышка

Долгое лето шестидесятого года подходило к концу. Мишку ждал город, высокая парта, исцарапанная перьями и ножиками его многочисленных предшественников, скука бесконечных уроков... Прописи, умножение в столбик... тоска! Беззаботные, ясные дни в деревне начинали тускнеть, окрашиваясь предчувствием неизбежного скорого отъезда.

Вечерело, но Мишке не хотелось домой. Он решил прогуляться на речку. Бабушкина деревня притулилась на высоком берегу, откуда можно было долго глядеть вдаль, озирая окрестности, как генерал перед сражением. Чернышка семенила рядом, быстро перебирая коротенькими кривыми лапками. Она как будто знала о печалях Мишки и весело тьякала, стараясь подбодрить друга.

Все лето они были неразлучны: куда Мишка – туда и она. Родители не разрешали завести собаку, несмотря на Мишкины слезные просьбы, и в деревне он тискал и гладил Чернышку за весь прошедший год. Она возвращала Мишкину любовь десятикратно. Заглядывала ему в глаза, ловя каждое движение его души.

На берегу Мишка увидел ватагу деревенских ребят, их возбужденный галдеж был слышен издалека.

– Что это вы делаете? – спросил Мишка.

– Спутник запускаем! – ответил Семка, мальчишка из со-

седнего дома. – Смотри!

У самой кручи лежала большая старая крышка от грузовика. А внизу у реки ее ждал высокий дощатый трамплин, сооруженный ребятами.

– О, идея! – воскликнул Антон, парень сильно старше Мишки, хулиган и заводила.

– Нашему космическому кораблю нужен пилот, – продолжил он, глядя на Чернышку.

– Мы запустим собаку в космос! – загалдели пацаны. – Ура!

Мишка представил, как Чернышка будет крутиться в колесе, и попятился.

– Эй, Мишка, стой! – крикнул Антон и преградил ему путь к отступлению. Ватага ребят окружила их.

– Чернышка, домой! – крикнул Мишка, но она не хотела бросать друга, носилась вокруг, отчаянно лая.

– Или дашь нам собаку, – процедил Антон, – Или чуешь, чем пахнет?

Перед Мишкиным носом очутился большой сбитый кулак. Где-то внизу у Мишки противно екнуло.

– Не отдам, – сдавленно сказал, почти прошептал Мишка.

– Антон, не дело это, – вступился за Мишку Семка, парень невысокий, но крепкий и обстоятельный. Другие пацаны закивали согласно. Антон взглянул на них и сказал Мишке:

– А глянь, чего дам!

И достал из кармана свой знаменитый немецкий кинжал

с красивой гравировкой на блестящих металлических ножнах. Антон вытянул наполовину лезвие. На фигурном клинке, резко сходящемся к бритвенно острому лезвию, блеснуло садящееся солнце.

У Мишки перехватило дух. Антон часто хвастался кинжалом, доставая его без всякой необходимости, но Мишка даже мечтать о нем не смел.

– Ну что, отдашь? – наседал Антон.

– Давай, давай! – загудели пацаны возбужденно.

Мишка зачарованно смотрел на нож. Все мальчишечьи сокровища меркли на фоне этого чуда.

– Бери, – слово, казалось, выскользнуло само собой, помимо Мишкиной воли.

– Ура! – загалдели пацаны, – Запускаем ее в космос!

Будто во сне Мишка видел, как ребята поднимают крышку, подкатывают ее к самому краю склона, Антон берет притихшую Чернышку и сажает в «корабль».

– Ключ на старт! – скомандовал Антон, – Пуск!

Крышка сначала медленно, но быстро набирая скорость, начала свой путь вниз по глубокой промоине, оставленной ливнями. Из бешено вращающегося колеса вырвался жалобный плач Чернушки. Крышка начала подпрыгивать на ухабах, приближаясь к трамплину. Непрекращающийся, режущий уши вой на миг прерывался в момент толчка, чтобы с новой силой зазвучать вновь.

И вот, разогнавшись до огромной скорости, «корабль» на-

скочил на трамплин и взмыл в небо! Во внезапно наступившей тишине он как в замедленной съемке летел все выше и выше, пока не поравнялся с уже низко висевшим багровым солнцем, где завис, превратившись в сияющую сферу.

По ватаге пацанов пронесся восхищенный вздох.

Через мгновение покрывка стремительно пошла вниз и с громким плюхом рухнула в реку.

– Чернышка! Чернышкаааа! – закричал Мишка и побежал вниз по склону, размазывая кулаком неожиданно обильные слезы.

Уже почти внизу он полетел кубарем. Поднялся, побежал хромяя вдоль берега, за уносимым течением колесом.

– Чернышка! Чернышечка! – звал он, но не слышал ни звука в ответ.

– Чернышка, – прошептал Михаил Иванович, просыпаясь. Его глаза были мокры.

Уже полгода, а может год, как этот сон стал преследовать его. Он слышал, что старики становятся сентиментальными, похоже, так оно и было. Михаил Иванович давно заметил, что события полувековой давности помнит много лучше произошедшего на прошлой неделе. И намного ярче.

«Сердчишко шалит наверно, вот и снится всякое», подумал Михаил Иванович, глядя в предрассветную мглу. «Нет, уже не уснуть».

Погода этим днем обещала быть прекрасной, и Михаил

Иванович, захватив недавно приобретенную трость, вышел на променад в городской парк. Он медленно шел по аллее. «До парка идти всего ничего, а поди ж ты, запыхался». Щебетали птицы, смеялись дети, пахло недавно прошедшим дождем.

Михаил Иванович присел на еще влажную ажурную скамейку и прикрыл глаза. Вдруг в груди кольнуло. Боль была такой внезапной и острой, что Михаил Иванович охнул. Боль начала разливаться по груди, выступил холодный пот. Детский смех и пение птиц слились в сплошной гул, который с каждой секундой, вибрируя, нарастал.

В глазах начало темнеть, сумерки наступали с краев, постепенно вытесняя краски и свет, пока не оставили только небольшое пятно в самом центре зрения. Невероятная удушьящая тяжесть вдавила Михаила Ивановича в лавку. В глазах окончательно потемнело. Рука выронила трость и безвольно свесилась почти до земли.

Вдруг в ладонь ткнулся влажный нос, послышалось быстрое дыхание, маленький шершавый язычок облизал руку. Давно забытое, но до боли знакомое чувство.

– Чернышка, – прошептал Михаил Иванович. – Ты нашлась!

На залитой солнцем аллее прохожие не обращали внимания на пожилого человека, уснувшего на скамейке. Его голова упала на грудь, а на губах застыла улыбка.

Йехи ке-разиэль

С самого утра молодой инженер Женя Зосимов предвкушал этот пятничный вечер. В НИИ уже около месяца тянулся жесткий аврал – институт бился за победу в республиканском соцсоревновании, и Женя собирался ударно отметить конец тяжелой недели.

Родители, загрузив нехитрый скарб в новенькую «Копейку», укатили на дачу, оставив небольшую квартиру в его полное распоряжение, чем он не преминул воспользоваться. У подъезда его ждал школьный товарищ Миша Ливер, бережно придерживавший оттопыривающийся карман пиджака.

За столом на тесной кухоньке время летело незаметно. Когда свет на улице уже начал убывать, Миша вспомнил о том, что хотел удивить друга. Он выложил на стол между банкой кильки и почти допитой бутылкой «Столичной» лист плотной фотобумаги, на котором запечатлелись неровные, расплывчатые слова на иврите, а также причудливые знаки.

– Знаешь, а мой дед ведь тайно был раввином, – сказал Миша и, понизив голос почти до шепота, продолжил, – И он мне кое-что успел рассказать про древнее знание...

Женя скептически ухмыльнулся, разглядывая фотокопию. В его памяти сразу всплыли образы из недавно прочитанного в самиздате романа о пражском големе.

– Что это, Мишань? – хмыкнул он. – Будем лепить глиня-

ного человека? Можно будет его завтра на субботник за меня отправить!

– Дед говорил, что эти знаки способны на многое. – Миша не принял шутливого тона товарища, – Я немного знаю иврит. «Йехи... ке-разиэль...», это значит что-то вроде «Да станет мудрость его подобна мудрости Разиэля». Это заклинание. Если его правильно написать, оно может поднять твой разум до нечеловеческих высот, сделав тебя равным архангелу Разиэлю – хранителю божественных тайн.

За этой беседой водка подошла к концу, и на столе заиграла темным стеклом бутылка портвейна. Молодой белый лабрадор Жорик, дремавший под столом, поднял голову и посмотрел на хозяина грустным, казалось, полным укора взглядом.

– Не бойся, Жорик, – ласково потрепал пса по загривку Женя. – Сейчас отполируем портвешком, и всё у нас будет в лучшем виде!

Хмель брал свое, и Женя решил подыграть другу:

– А что, давай сделаем меня гением! Кандидатскую за ночь напишу, а то уже третий год домучить не могу – шеф скоро сожрет.

Миша, казалось, только этого и ждал. Но под рукой не оказалось карандаша, а Женина перьевая ручка напрочь высохла. Шеф не зря сердился: диссертация была заброшена давно.

Недолго думая, Миша заправил ручку портвейном прямо

из стакана. Писать было также не на чем, но под руку Жене попался плотный картонный бланк — диплом с собачьей выставки, где его любимец с гордым именем Женьевьев Гарсон Тильзит занял третье место.

Миша усердно принялся выводить знаки на оборотной стороне награды. Вскоре его сменил Женя, старавшийся тщательно скопировать каждую закорючку незнакомого алфавита. Жорик, будто возмущенный порчей своего почетного документа, вылез из-под стола и начал громко, тревожно лаять. Но друзья выставили пса за дверь. Закончив с писаниной, они допили портвейн и отправились бродить по темным улицам.

Домой Женя вернулся глубоко за полночь и мгновенно провалился в тяжелый сон без сновидений.

Первое, что Женя почувствовал, проснувшись — была раскалывающаяся голова. С трудом продрав глаза, он хотел было застонать, но тут же забыл о боли. Прямо перед его кроватью стояло нечто.

Оно было голым, метра полтора ростом и неестественно худым. Его длинные конечности с вывернутыми не в ту сторону суставами и ужасающего вида когтями обтягивала бледная, морщинистая кожа, на которой кое-где пучками торчала белая шерсть. Обезьяноподобная деформированная морда с приплюснутым носом, влажными собачьими глазами и искривленным ртом, из которого торчали клыки, завершала картину.

Существо стояло в полуприсяде, наклонив голову набок, и часто дышало, слегка высунув язык. Вдруг оно заговорило низким, урчащим голосом, с трудом выталкивая звуки:

– На-ко-нец-то... про-снул-ся. Да-вно... гу-лять... по-ра...

Женя в панике зажмурился, сдвинул виски руками, надеясь, что кошмарный бред отступит. Но когда он снова открыл глаза, существо никуда не делось. Оно наклонилось еще ближе, и из его изуродованной пасти отвратительно пахнуло смесью псины и тухлого мяса.

Желудок Жени судорожно сжался, и его вывернуло прямо на пол, под ноги существу. Тварь тут же опустилась на четвереньки и принялась шумно обнюхивать лужу. Женю вырвало еще раз.

– Гу-лять... Пой-дем гу-лять... – продолжало скулить существо.

Оборотень не кусался и выглядел несчастным. Женя боком протиснулся мимо него в ванную и сунул голову под струю холодной воды.

«Всего один вечер пил – и уже белая горячка, – думал он, – Что теперь делать? Звонить в скорую? Так на учет поставят, из института попросят...».

Женя распрямился, в голове будто немного прояснилось, но существо по-прежнему было рядом: оно встало на четвереньки, и слегка поскуливало.

«Прямо как Жорик», подумал Женя.

– Жорик?

– Да, да, да! - затыкал оборотень.

Женя, все еще не веря, что это происходит на самом деле, завел его в туалет и показал на унитаз. Жорик с облегчением задрал ногу-лапу. В его повадках было много собачьего, но он все схватывал налету.

Женя позвонил Мише.

– Срочно приезжай ко мне, нетелефонный разговор! – протарабанил он в трубку.

Услышав это, оборотень глухо проворчал:

– Пусть... колбасы... принесет...

Женя вздохнул:

– И колбасы докторскойхвати. Жорик просит.

Миша явился через час, прижимая к груди серый бумажный сверток, который при виде Жорика, тут же выронил из рук.

Не дав другу опомниться, Женя гневно обрушился на него, требуя немедленно вернуть Жорику собачий облик.

– Да не знаю я, как отменить заклинание! – убеждал перепуганный Миша. – Я во все это даже не верил! Так, ради шутки... Наверно нельзя было писать это в пятницу вечером – в Шабат... Или напутали что...

– Где ты вообще взял эту проклятую бумагу?! – перебил его Женя.

Миша замялся, отводя взгляд:

– Да... у гастронома парень-цыганенок крутился. Говорит: «Глянь, чего есть, рупь штука». Там у него были карточки с

девицами, ну, ты понимаешь... Ну и этот листок тоже. Я про каббалу и деда сразу вспомнил, стало любопытно. И купил...

Миша постепенно приходил в себя, он бочком протиснулся мимо Жорика, уплетающего колбасу, на кухню и сел за неубранный стол, где в засохшем соусе из-под кильки лежал собачий диплом.

– Я не знаю, что теперь делать, – развел он руками.

Жорик видел, как удручен его хозяин, как ему тяжело. Преданное собачье сердце не могло этого вынести.

Когда ошарашенный Миша ушел, а Женя забылся тяжелым похмельным сном, Жорик стал думать, как поправить дело. Он беспокойно ходил по квартире, поглаживая на непонятные письма, пока его не озарило.

«Надо переписать все в обратном порядке, это же очевидно!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.